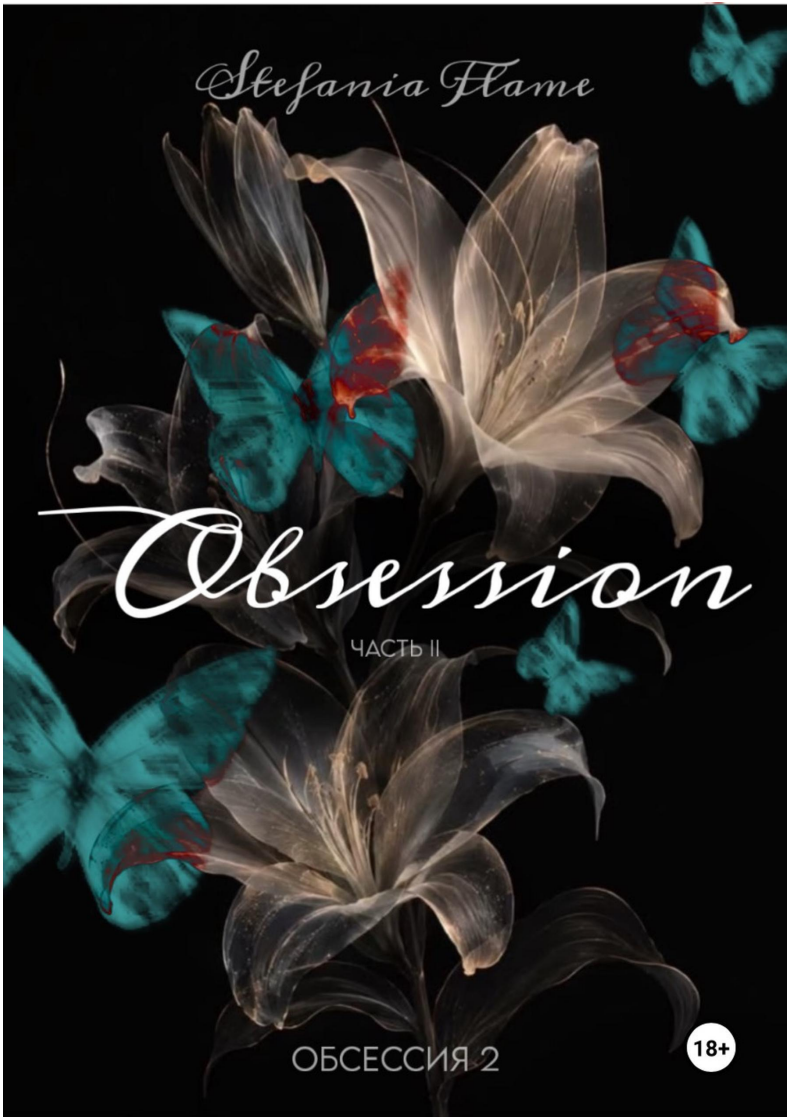

Stefania Flame
Obsession
ЧАСТЬ II
ОБСЕССИЯ 2
18+

Стефания Флейм
Обсессия 2

https://litres.ru/74702633
SelfPub; 2026

Аннотация

— Прими это, Катерина. Я — та самая тьма, которую ты годами прятала за отличными оценками. Твои демоны уже признали во мне хозяина. Теперь твоя очередь.

Я была «золотой девочкой» с блестящим будущим, но «Спектр-7» стал моей личной преисподней. Демитрий не просто совершил побег — он выкрал меня, чтобы сделать своей тенью в закрытом горном поместье. Для него я больше не человек. Я — Лилит. Пластилин, из которого он лепит идеальное оружие и покорную куклу.

Его методы не знают жалости: зеркальные комнаты, изнуряющая тишина и пытка лишением прикосновений. Он планомерно выжигает во мне остатки морали, заменяя их порочной зависимостью. Бежать из этого ада невозможно — горы хранят его тайны надежнее любых стен, а Демитрий не прощает предательства.

Он не хочет моей смерти. Он хочет, чтобы я полюбила свои оковы и сама умоляла его о наказании. В этой игре выживет только один: либо я сломаюсь окончательно, либо стану его главной погибелью.

Содержание

Глава 1. Демитрий 6
Глава 2. Катерина 12
Глава 3. Демитрий 19
Глава 4. Катерина 28
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Обсессия 2

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ТРИГГЕРЫ

Серия «Твоя темная сторона» представляет собой цикл из 4 темных эротических новелл о разных героях.

Одержимость *— история Катерины и Демитрия*

Одержимость 2 *— продолжение истории Катерины и Демитрия*

Преследование *— история Розы и Дерила*

Присвоение *— история Алисии и Ро́мана*

Данная книга является второй частью истории; если вы не читали первую («Одержимость»), рекомендуем начать с нее (она доступна бесплатно на Литрес).

!В отличие от полноразмерных романов, фокус повествования здесь смещен с сюжета на эротическую составляющую, разворачивающуюся в рамках определенной локации!

Пожалуйста, ознакомьтесь со списком триггеров и особенностей произведения перед прочтением:

- Разница в возрасте: ей 19, ему 34

- Динамика персонажей: она — его пленница; он — ее владелец

- Психологический аспект: стокгольмский синдром

- Тяжелый контент: присутствуют физические, сексуальные и моральные пытки, описания физического и психо-

логического насилия, а также проявления болезненной, деструктивной одержимости

- Сексуальный контекст: сцены содержат сомнительное согласие, элементы принуждения и откровенной «грязной» страсти

Повествование отличается крайней откровенностью и может вызвать дискомфорт. Если подобная тематика для вас неприемлема, автор настоятельно рекомендует воздержаться от чтения

Важно: Все сцены и формулировки адаптированы в строгом соответствии с требованиями действующего законодательства РФ

Строго 18+

Глава 1. Демитрий

Лопасти вертолета медленно сбавляют обороты, разрезая тяжелый, пропитанный ледяной влагой воздух высокогорья. Гул в ушах сменяется давящей, почти осязаемой тишиной заснеженных пиков. Мы приземлились. Горное поместье Баграмовых встречает меня безмолвием своих гранитных стен и глухим эхом прошлого, которое я оставил здесь десятки лет назад. Я не возвращался сюда целую вечность, скрываясь за стальными дверями тюрем и высокими заборами своих холдингов, но это место, высеченное в самом сердце скал, всегда ждало своего хозяина. Моя власть здесь впитана в камни. Несмотря на годы моего отсутствия, все готово к моему триумфальному возвращению: факелы на подъездной аллее уже горят, отражаясь в панорамных окнах, а прислуга, вышколенная и безмолвная как тени, замерла внутри, готовая исполнять любой каприз.

Я перевожу взгляд на Катерину. Она спит. Тряска в воздухе и пережитый ад в «Спектре-7» выпили из нее все силы, и теперь она кажется совсем крошечной, почти прозрачной на кожаном сиденье вертолета. Ее дыхание ровное, но прерывистое — даже во сне она не может сбежать от того осквернения, которое я вжигал в нее последние часы. На ее лице, перепачканном копотью и кровью, застыло выражение глубочайшей скорби, которую я скоро сотру, заменив ее аб-

солютной покорностью.

Я не собираюсь ее будить. Ей не нужно видеть этот переход, ей не нужно осознавать, как закрывается последняя дверь в ее прошлое. Я хочу, чтобы она открыла глаза уже в моей реальности, в мире, где нет никого, кроме меня и ее боли. Я медленно отстегиваю ремни, мои движения расчетливы и лишены лишней суеты. Я наклоняюсь к ней, вдыхая запах ее страха, смешанный с моим семенем, и аккуратно, почти благоговейно подхватываю ее на руки.

Ее голова беспомощно откидывается на мое плечо, тонкие пальцы, все еще испачканные запекшейся кровью, бессильно повисают в воздухе. Она такая легкая, такая хрупкая в моих руках — как редкая птица с перебитыми крыльями. Я прижимаю ее к своей груди, чувствуя ее тепло сквозь разодранную одежду. Теперь это поместье станет ее единственным миром, ее храмом и ее эшафотом. Я ступаю на заснеженную платформу, и каждый мой шаг отзывается торжествующим ритмом в висках. Я вхожу в эти двери не один — я вношу свою самую ценную добычу, свою переломанную куклу, которую я буду собирать заново по своему образу и подобию. Мой дом официально становится и ее домом, ее новой клеткой, из которой нет выхода, кроме того, что укажу я.

Тяжелые створки дубовых дверей распахиваются перед нами бесшумно, точно пасть древнего левиафана, заглатывающего свою жертву. Холодный горный воздух остается снаружи, отсеченный массивным камнем стен, и нас окутывает

мертвенная, стерильная тишина поместья. Я чувствую, как под подошвами моих ботинок хрустит ворс дорогих ковров, но мои глаза прикованы к ней. Катерина в моих руках кажется невесомой, лишенной костей и воли, словно она уже начала растворяться в этой давящей роскоши моего прошлого.

Я прохожу через анфиладу пустых залов, где тени от редких светильников пляшут на стенах, точно призраки тех, кого я стер из этой жизни десятилетия назад. Каждый шаг отдается в моих висках предвкушением абсолютной власти. Я несу ее в святая святых — в свою спальню, комнату, где воздух пропитан запахом старого дерева, дорогого табака и вековой жестокости моего рода. Здесь нет окон, выходящих на обрывы, только глухие стены и огромная постель из темного дерева, застеленная шелком цвета запекшейся крови.

Я осторожно опускаю ее на матрас. Шелковые простыни мгновенно пачкаются бурыми пятнами — ее одежда, пропитанная грязью тюремных коридоров, гарью пожара и той смесью наших соков, что я вжигал в нее на кухонном столе, кажется здесь инородным телом. Я наклоняюсь над ней, мои пальцы ложатся на ворот ее растерзанной водолазки, намереваясь сорвать этот жалкий лоскут ткани.

Она вздрагивает. Ее ресницы трепещут, и в следующую секунду она открывает глаза. В них нет узнавания, только первобытный, ослепляющий страх загнанного зверя. Она видит меня, видит эту комнату, тонущую в полумраке, и начинает судорожно отползать к изголовью, сминая простыни

окровавленными пальцами.

— Нет... Пожалуйста... — ее голос — это надорванный хрип, лишенный всякой надежды.

Я не двигаюсь, оставаясь нависшей над ней тенью. Мои глаза — холодные бездонные колодцы, в которых тонет ее отчаяние.

— Тише, Катерина. Тебе больше не нужно бояться того, что осталось за стенами этого дома, — мой голос звучит ровно, почти ласково, но в нем слышится лязг кандалов. — Я просто хочу избавить тебя от этой грязи. Она тебе больше не принадлежит.

Она заходится в сухом, надрывном рыдании, прижимая лохмотья одежды к своей груди, словно они могут защитить ее от моего взгляда.

— Грязь... — она захлебывается собственными слезами. — Эта грязь... она от тебя. Ты и есть эта грязь, Демитрий! Ты все испачкал... ты убил все...

Я усмехаюсь, и эта усмешка больше похожа на оскал хищника, который забавляется с умирающей добычей. Я хватаю ее за щиколотку и одним резким движением притягиваю обратно к себе, игнорируя ее слабый вскрик.

— Та грязь осталась там, в «Спектре-7», вместе с твоими глупыми иллюзиями и твоим мертвым учителем. Здесь ты начнешь все заново. Здесь ты снова чистая, нетронутая... новая. У тебя нет прошлого, нет семьи, нет той жалкой девчонки, которая верила в спасение преступников. У тебя да-

же нет имени, которое ты знала раньше. Отныне я нарекаю тебя иначе. Твое имя — Лилит. Моя первая тень. Моя личная тьма.

Она замирает на мгновение, ее глаза расширяются от осознания чудовищности моих слов, а затем она буквально взрывается. Это не просто протест — это истерика сломленного сознания, пытающегося ухватиться за последние крупицы реальности. Она начинает бить меня кулаками в грудь, царапать мои руки, выплевывая слова ненависти вместе с пеной у рта.

— Нет! Я Катерина! Я человек! Ты не можешь... ты не имеешь права забирать мое имя! Я ненавижу тебя! Ненавижу твой дом, твою ложь, твою вонючую заботу! Убей меня лучше сразу, слышишь?! Убей!

Я чувствую, как внутри меня, глубоко под ледяной коркой цинизма, начинает вскипать нечто иное. Мое терпение, которое я так тщательно взращивал десятилетиями, дает трещину. Гнев — холодный, расчетливый и разрушительный — заполняет мои вены, вытесняя всякую тень милосердия. Я перехватываю ее руки, сжимая запястья так сильно, что слышен отчетливый хруст кожи, и вжимаю ее в матрас своим весом. Мое лицо оказывается в сантиметре от ее, и она замолкает, увидев, как меняется мой взгляд. В нем больше нет похоти. В нем только обещание конца.

— Ты думала, что видела меня во всей красе там, в столовой? — шепчу я, и от моего шепота по ее коже пробегает

мороз. — Ты думала, что та грубость была пределом моей ярости? Маленькая, глупая дрянь. Ты еще ни разу не видела меня по-настоящему злым. Я давал тебе шанс принять свою новую жизнь без лишней боли. Но если ты так сильно жаждешь увидеть демона, которого ты так прилежно изучала в своих книжках... если ты так настойчиво просишь меня содрать с тебя кожу заживо за каждое слово протеста — я тебе это покажу. И поверь, Лилит, к утру ты будешь молить о том, чтобы я просто разрешил тебе дышать.

Глава 2. Катерина

Его лицо, застывшее в холодной, нечеловеческой ярости, — это последнее, что я вижу перед тем, как мир окончательно превращается в бесконечную пытку. Мои крики о том, что я Катерина, что я человек, захлебываются в его тяжелом взгляде. Демитрий не просто злится. Он трансформируется во что-то древнее и беспощадное, в то самое чудовище, которое веками жило в стенах этого поместья. Его рука, огромная и жесткая, внезапно впивается в мои волосы у самого затылка. Резкий рывок заставляет мою голову откинуться назад с такой силой, что в шее что-то отчетливо хрустит, а перед глазами вспыхивают мириады искр. Я вскрикиваю от боли, пытаюсь вцепиться в его запястье, чтобы ослабить хватку, но он лишь сильнее наматывает мои пряди на кулак, притягивая меня к своему лицу так близко, что я чувствую жар его дыхания и запах дорогого табака, смешанный со сталью.

— Ты все еще не поняла, где находишься, Катерина? — его голос падает до едва слышного, вибрирующего шепота, от которого по моему позвоночнику пробегает ледяной холод. — Ты думала, что самое страшное уже случилось на том столе? Ты думала, что я ограничусь твоим телом? Глупая, наивная девочка. Мне не нужно твое послушание, добытое силой мышц. Мне нужно, чтобы ты сама стерла свое имя из памяти.

Я бьюсь в его руках, мои ногти оставляют глубокие борозды на его предплечьях, но он даже не морщится. Его вторая рука ложится на ворот моей изорванной, пропитанной грязью водолазки. Одним коротким, мощным движением он рвет ткань сверху донизу. Треск швов кажется мне звуком выстрела в этой гробовой тишине спальни. Я инстинктивно пытаюсь прикрыться руками, сжаться в комок, спрятать свою наготу, испачканную кровью и его семенем, но Сарион не дает мне этой милости. Он хватает меня за остатки одежды и сдирает их с меня вместе с клочьями колготок, оставляя меня совершенно беззащитной, голой и униженной под слепящим светом люстры.

Я содрогаюсь от рыданий, мои плечи ходят ходуном. Я жду, что сейчас он навалится сверху, что он снова ворвется в меня, используя мою слабость как повод для нового осквернения. Я зажмуриваюсь, готовясь к боли, к тому, что он снова будет трахать меня, превращая мою ненависть в позорное удовольствие, но Демитрий делает нечто иное. Он не расстегивает ремень. Он смотрит на меня с таким ледяным отвращением, будто я — не человек, а бракованная вещь, требующая радикального ремонта.

— Нет, — произносит он, и в его голосе слышится пугающая пустота. — Я не буду тебя трахать. Это слишком легкое наказание для той, кто так упорно цепляется за свои иллюзии. Я обещал тебе, что ты увидишь меня злым. Я обещал тебе Лилит. Пришло время познакомиться с тишиной, кото-

рая научит тебя правде.

Он рывком стаскивает меня с кровати. Мои босые ноги касаются холодного пола, и я едва не падаю, но его хватка на моих волосах не дает мне рухнуть. Он тащит меня прочь из спальни, через бесконечные темные коридоры поместья. Я спотыкаюсь о края ковров, мои колени бьются о выступы мебели, я плачу и умоляю его остановиться, но он не сбавляет темп. Его шаги тяжелые, ритмичные, неотвратимые. Мы спускаемся все ниже и ниже, туда, где воздух становится сырым и пахнет старым камнем и плесенью. Подвалы.

Каждая ступенька отдается болью во всем теле. Я чувствую себя куском мяса, который волокут на бойню. Моя нагота в этом холоде кажется мне еще более постыдной; я пытаюсь закрыться, сжаться, но он продолжает тянуть меня за волосы, заставляя идти за ним. Мы проходим через тяжелую стальную дверь, которая со скрежетом открывается, являя взору абсолютную, густую тьму.

— Твое имя — Лилит, — повторяет он, и в этом пространстве его голос звучит как приговор высшего суда.

Одним мощным толчком он закидывает меня внутрь, в эту черную пасть. Я не удерживаюсь на ногах и лечу вперед, болезненно ударяясь плечом и бедром о твердый, холодный пол. Дверь за моей спиной захлопывается с оглушительным металлическим лязгом. Я слышу, как поворачивается ключ в замке, отрезая меня от мира живых.

Тьма здесь кажется живой. Она вползает в мои легкие,

оседает на коже липким слоем страха, сдавливает горло невидимыми пальцами. Я сжимаюсь в комок на ледяном бетоне, обнимая свои голые плечи, пытаясь спрятать наготу, которую уже не скрыть. Мои пальцы, онемевшие от холода, скребут по шершавой поверхности пола, оставляя на ней невидимые отметины моего отчаяния. Я слышу только свое прерывистое, захлебывающееся дыхание и бешеный, аритмичный стук сердца. Кажется, если я закрою глаза, я просто исчезну, растворюсь в этом безмолвном подземелье.

Внезапно резкий, хирургически белый свет вспыхивает под самым потолком, ослепляя меня. Я вскрикиваю, закрывая лицо руками, а когда зрение постепенно возвращается, я замираю от ужаса. Это не просто комната. Это зеркальная ловушка. Каждая стена, пол, потолок — все покрыто идеально чистыми зеркалами. Куда бы я ни бросила взгляд, я вижу только себя. Тысячи проекций моего позора, размноженные до бесконечности.

Я смотрю на свое отражение и не узнаю ту девушку, что стоит передо мной. Это не Катерина. От той чистой, наивной отличницы в отглаженной блузке не осталось и следа. На меня смотрит изломанное, грязное существо. Мои волосы спутаны, в них запеклась кровь и пыль «Спектра-7». Лицо распухло от слез, губы разбиты и искусаны, на шее багровеют пятна от его хватки. Но хуже всего — мое тело. Оно покрыто следами его власти: синяки на бедрах, отпечатки его пальцев на моих ягодицах, розоватые потеки между ног, напоми-

нающие о том, как он уничтожил мою невинность на глазах у умирающего профессора. Я выгляжу как использованная, выброшенная кукла. Грязная, осквернённая, сломленная.

Я боюсь даже шевельнуться. Мне кажется, что, если я коснусь своего отражения, стекло лопнет и разрежет меня на куски, как Демитрий разрезал мою жизнь. Я чувствую физическую тошноту от вида своей наготы, от осознания того, как легко я позволила ему превратить себя в это.

Вдруг тишину разрезает едва уловимый шум. Шорох, похожий на шепот, доносящийся сразу со всех сторон. Я замираю, боясь дышать. Мои мышцы сводит судорогой, я физически ощущаю, как меня начинает трясти. Холод бетона пробирает до костей, но этот звук пугает меня сильнее. Шум становится громче, отчетливее, он вибрирует в самом воздухе, отражаясь от зеркал. Это голоса. Тихий, вкрадчивый мужской баритон и мой собственный, дрожащий, едва узнаваемый сорванный шепот.

Я прижимаю ладони к ушам, но звук транслируется из невидимых динамиков, замурованных в стены. Это записи. Те самые интервью, которые я проводила в тюрьме, думая, что я контролирую ситуацию. Но Демитрий контролировал все с самой первой секунды.

— Что ты хочешь, чтобы я сейчас сделал, маленькая лгунья? — Голос Демитрия из динамиков звучит так интимно, будто он стоит прямо у меня за спиной, обжигая затылок дыханием. — Хочешь, чтобы я просто поласкал тебя, или что-

бы я начал трахать тебя своими пальцами прямо здесь, под носом у твоего спящего наставника?

Я зажмуриваюсь, мотая головой. Нет, нет, замолчи! Пожалуйста, замолчи! Но записи безжалостны.

— Мне нужен ответ, Катерина. Скажи это. Скажи, чего ты хочешь, иначе я просто уберу руку и оставлю тебя подыхать от этой нужды.

Мой собственный голос, полный постыдной мольбы и желания, заполняет комнату, отражаясь от тысяч зеркал: — Пальцы... Я хочу... твои пальцы. Пожалуйста.

— Значит, ты все-таки хочешь, чтобы я трахнул тебя? Хочешь почувствовать, как я буду растягивать твою тесную щелку? — Демитрий в записи звучит торжествующе, издевательски. — Как ты думаешь, сколько моих пальцев поместится в тебе за раз? Один? Или я должен сразу вогнать в тебя два, чтобы ты поняла, насколько ты пуста без меня?

— Демитрий... О боже, Демитрий... — мой стон из динамиков резонирует с моими нынешними рыданиями. Я вижу в зеркалах, как я открываю рот в беззвучном крике, в то время как запись продолжает вырывать куски из моей души.

— Смотри на меня, Катерина. Смотри, как ты течешь ради монстра.

Последние слова бьют меня наотмашь. Я смотрю в зеркала, на свою мокрую промежность, на свои окровавленные руки, и понимаю: он прав. Я — ничтожество. Я текла ради него тогда, я предала все, во что верила, и теперь я заперта

в этом зеркальном аду, чтобы вечно слушать доказательства своего падения. Пытка только началась, и я уже чувствую, как мой рассудок начинает крошиться, превращаясь в такую же пыль, как и мое доброе имя.

Глава 3. Демитрий

Прошло трое суток. Семьдесят два часа абсолютной изоляции, зажатой между зеркальными стенами и бесконечным, циклическим воем ее собственного падения. Я наблюдаю за ней через скрытые камеры, потягивая дорогой виски в тишине своего кабинета. Моя милая отличница держится дольше, чем я ожидал, но природа — вещь упрямая, а ее тело — самый честный предатель, которого я когда-либо встречал. Я не бью ее. Физическая боль — это примитивно, это инструмент для дикарей. Я лишаю ее прикосновений. Я создаю вакуум, в котором единственный источник тепла и контакта — это я, тот самый монстр, ради которого она текла в той записи, что сейчас доводит ее до безумия.

Она не ела все это время. Я прихожу лишь раз в сутки, принося холодную воду, чтобы она не сдохла раньше времени и не лишила меня удовольствия созерцать ее полную капитуляцию. Каждый раз, глядя на мониторы, я вижу, как она мучается. Ее тело, изнасилованное звуками нашего прошлого, пульсирует от голода совсем иного рода. Запись ее собственного стона: «Сарион, я хочу твои пальцы...» — бьет ее по нервам сильнее любого хлыста. Она влажная. Я вижу этот блеск на ее бедрах даже через зернистое изображение камер. Она пытается найти разрядку сама, ее пальцы дрожат, неумело и испуганно касаясь клитора, но она — невинная девочка,

привыкшая к академическим знаниям, а не к исследованию собственного порока. Ее руки не справляются. Она не знает, как затушить этот пожар, который я разжег в ней и оставил гореть в зеркальной тишине.

Моя милая глупая отличница. Я же обещал, что ты будешь умолять меня. Ты будешь жаждать моей грубости, моих мозолистых ладоней и моего веса больше, чем глотка воды.

Я поднимаюсь, поправляя манжеты рубашки. Время первого визита за сегодня. Я иду по длинным, гулким коридорам подвала, и звук моих шагов наверняка уже резонирует в ее камере, заставляя ее сердце заходиться в животном ритме. Я наслаждаюсь этой властью — быть единственным живым звуком в ее аду. Я подхожу к тяжелой стальной двери, чувствуя, как внутри закипает темное, густое предвкушение. Я не собираюсь говорить с ней. Я не собираюсь ласкать ее. Я просто дам ей выпить, посмотрю в ее пустые, сломленные глаза и уйду, оставив ее наедине с ее нуждой.

Я вставляю ключ в замок. Металл скрежещет, и этот звук для нее сейчас слаще любой симфонии. Я толкаю дверь, и стерильный белый свет зеркальной комнаты на мгновение слепит меня.

Моя любимая уже ждет меня. Она стоит на коленях в центре этого зеркального безумия, совершенно нагая, изможденная, с дрожащими губами и волосами, липнущими к лицу. Ее взгляд прикован к двери с такой отчаянной, жадной надеждой, что я едва подавляю усмешку. Она не пытается

прикрыться. Она не просит о свободе. Она просто смотрит на меня, как на своего единственного бога, готовая на все, лишь бы я не закрывал эту дверь слишком быстро.

Я вхожу в ее зеркальную тюрьму, и слепящий, стерильный свет бьет мне в глаза, отражаясь от тысяч поверхностей. Но я не щурюсь. Мой взгляд мгновенно находит ее — единственное живое, изломанное пятно в этой бесконечной белизне. Демитрий Баграмов никогда не заходит просто так; каждый мой вдох здесь — это акт доминирования, каждый шаг — удар по ее остаткам воли. Я наслаждаюсь этим моментом. Воздух в комнате густой, пропитанный ее страхом, ее лихорадочным потом и тем самым тягучим, сладковатым запахом возбужденной женщины, который невозможно спутать ни с чем другим.

Она стоит на коленях, ее кожа кажется почти прозрачной под люминесцентными лампами. Она смотрит на меня снизу вверх, и в этих глазах — некогда ясных глазах отличницы — теперь плещется первобытная смесь ужаса и дикого, животного желания. Запись, транслирующая ее собственные стоны и мои грязные обещания из прошлого, продолжает вибрировать в стенах, заставляя ее тело мелко дрожать.

— Не двигаться, — роняю я тихим, ровным голосом. Этот тон действует на нее сильнее хлыста.

Я вижу, как она замирает, как ее пальцы судорожно впиваются в зеркальный пол, когда я ставлю стакан с ледяной водой в паре метров от нее. Она не сводит глаз с прозрач-

ной жидкости, ее горло делает судорожный глоток, но она не смеет ослушаться. Я медленно обхожу ее, как хищник обходит раненую добычу. Мои ботинки гулко стучат по стеклу, и каждый этот звук отдается в ее теле спазмом. Я захожу ей за спину, туда, где она наиболее беззащитна, где она не видит моих рук, но чувствует мое ледяное дыхание на своем затылке.

Я медленно опускаюсь на колени позади нее. С этого ракурса она открыта мне полностью. Ее спина выгнута, лопатки торчат, как крылья подбитой птицы, а бедра... О, ее бедра. Я замираю, глядя на то, как она истекает влагой. Она не просто возбуждена — она затоплена собственной нуждой. Между ее ног все блестит, тяжелые капли срываются на зеркальный пол, оставляя мутные следы ее позора. Она слышит, как в динамиках я спрашиваю ее, сколько пальцев в нее поместится, и ее плоть откликается на этот вопрос пульсацией, которую я вижу невооруженным глазом.

— Можно, — коротко бросаю я.

Катерина срывается. Она больше не пытается сохранить достоинство. Она бросается к воде, оставаясь на четвереньках, и начинает жадно пить, лакая воду, словно измученное жаждой животное. Она повернута ко мне задом, ее складки сияют под лампами, выставляя напоказ все самое сокровенное, самое грязное. Она пьет, и я вижу, как напрягаются мышцы ее бедер, как она непроизвольно подается назад, подсознательно ища контакта, ища того самого монстра, ко-

торый заполнит ее пустоту.

Вид ее набухшей, истекающей плоти — это моя собственная пытка. Внизу живота тянет так сильно, что мне хочется сорвать с себя одежду и вбиться в нее прямо здесь, среди этих зеркал, пока она не захлебнется моим семенем. Но нет. Моя милая отличница должна быть наказана больше меня. Она должна осознать, что каждое прикосновение теперь — это не право, а милость, которую я могу дать, а могу и отнять.

Она продолжает пить, ее задранный зад подрагивает, а из динамиков мой голос издевательски шепчет: «Смотри, как ты течешь ради монстра». В этот момент я не выдерживаю. Сама дисциплина, которую я выстраивал годами, дает трещину перед этим видом. Я протягиваю руку и одним медленным, тяжелым движением провожу указательным пальцем по ее истекающим, раскаленным складкам, надавливая на самый центр ее нужды.

Катерина задыхается. Она давится водой, заходясь в мучительном кашле, ее тело выгибается дугой от этого единственного, грубого контакта. Она всхлипывает, ее бедра начинают неконтролируемо биться о мою руку, а вода проливается на пол, смешиваясь с ее соками. Она замерла в этой позе — на четвереньках, униженная, захлебывающаяся, — чувствуя, как мой палец клеймит ее там, где она больше всего жаждала меня почувствовать. Это конец ее сопротивления. Это начало ее вечного рабства.

Я стою над ней, чувствуя, как в воздухе закипает электри-

чество ее отчаяния. Да, это пытка. Самая изысканная, самая тонкая и разрушительная форма насилия, которую я когда-либо применял. Я не ломаю ей кости, я не оставляю рваных ран на ее нежной коже, но я выжигаю ее душу изнутри этим вакуумом, этим тотальным отсутствием тактильного тепла. Для существа вроде Катерины, привыкшего к сочувствию и близости, мой холод страшнее раскаленного железа. Я вижу, как она плавится под моим взглядом, как ее тело, изможденное звуковым террором собственных признаний, начинает биться в конвульсиях от элементарной нехватки моей кожи на своей.

Я не дам ей того, что она хочет. Не сейчас. Наслаждение должно быть выстрадано, оно должно стать единственным смыслом ее жалкого существования в этом зеркальном склепе. Она должна попросить об этом. И не просто попросить, пролепетав жалкое «пожалуйста» — она должна умолять, скулить, признать свою полную ничтожность и зависимость от монстра, которого она так яростно пыталась изучать в тюрьме.

— Смотри на меня, — шепчу я, и мой голос в этой камере звучит как раскат грома.

Она поднимает голову. Ее взгляд затуманен, зрачки расширены до предела, занимая почти всю радужку. Она больше не пытается казаться гордой. Она ползет ко мне по зеркальному полу, и звук ее кожи, трущейся о холодное стекло, возбуждает меня сильнее любого стриптиза. Она двигается

медленно, как раненая хищница, но хищница сломленная, осознавшая силу вожака. В каждом ее движении — покорность, выжженная голодом и похотью.

— Демитрий... — ее голос — надтреснутый шепот, в котором сквозит безумие. — Помоги мне... Я больше не могу. Это невыносимо. Я слышу себя... я слышу, как я хотела тебя... и я хочу сейчас. Пожалуйста, коснись меня. Хоть раз.

Она доползает до моих ног, ее пальцы едва касаются моих ботинок, а затем поднимаются выше, к моим коленям. Я чувствую, как она дрожит, как ее горячее дыхание обжигает мои бедра сквозь ткань брюк.

— Я все поняла, — шепчет она, и в ее глазах вспыхивает пугающий блеск. — Я Лилит. Я твоя тень. Я сделаю что угодно... слышишь? Что угодно, если ты прекратишь эту тишину. Если ты заполнишь меня. Я хочу чувствовать твою грубость, я хочу, чтобы ты снова вошел в меня так же больно, как тогда. Просто помоги мне забыть мой собственный голос.

Я смотрю на нее, завороженный этой трансформацией. Это то, ради чего я ее сюда привез. Я вижу, как ее отличница окончательно умирает, уступая место этому порочному, изголодавшемуся созданию. Я хочу ее. Мой член пульсирует, требуя занять место внутри этой истекающей влагой щелки, и я уже готов сорвать с себя ремень, готов поддаться этому импульсу и взять ее прямо здесь, среди тысяч отражений нашего греха. Ее покорность пьянит, ее слова — сладкий яд, который я жадно пью. Я наклоняюсь к ней, мои пальцы уже

тянутся к ее волосам, чтобы рвануть ее голову назад и впиться в эти искусанные губы...

И в этот момент реальность разлетается вдребезги.

Эта сучка, эта маленькая лгунья, которая только что изображала предельную капитуляцию, внезапно делает резкий, невероятно быстрый выпад. Со всей силы, вкладывая в удар всю свою ненависть и остатки физической мощи, она бьет локтем и весом всего тела в зеркальную панель прямо за моей спиной. Грохот взрывающегося стекла оглушает. Огромные, тяжелые осколки сыпятся на меня градом, один из них полосует мое плечо, другой впивается в спину, но я не успеваю среагировать — я дезориентирован внезапной сменой ее роли.

В следующую секунду она уже не на коленях. Она прыгает на меня с яростью дикой кошки, сбивая с ног. Я падаю на спину в груду битых зеркал, чувствуя, как сотни мелких игл впиваются в кожу. Катерина оказывается сверху, она оседлала мои бедра, придавив меня своим весом. В ее руке — длинный, зазубренный осколок зеркала, в котором отражается ее лицо, искаженное первобытной, чистой яростью.

Она подставляет лезвие к моему горлу, надавливая так сильно, что на кадыке проступает капля крови. Ее дыхание рваное, глаза пылают ненавистью, от которой не осталось и следа недавней покорности.

— Я ведь отличница, Демитрий, — шепчет она, и в ее глазах я вижу ту самую бездну, которую так долго в ней искал.

— А отличницы всегда учатся быстрее всех.

Глава 4. Катерина

Я сижу верхом на нем, и каждый мой вдох — это хрип раненого зверя, захлебывающегося собственной яростью. Я вся дрожу, мелкая, неуправляемая дрожь бьет мое тело, передаваясь Демитрию через мои бедра, плотно прижатые к его тазу. Злость, страха и ненависть выжигают меня изнутри, превращая кровь в чистую кислоту. Воздух в этой зеркальной камере стал настолько плотным, что его можно резать тем самым обломком, который я сжимаю в онемевших пальцах. Острый край зеркала впивается в мою ладонь, я чувствую, как теплая кровь стекает по моему запястью, смешиваясь с грязью и влагой на моей коже, но мне плевать на боль. Я не могу позволить ему выиграть. Не в этот раз. Я не его вещь, я не его послушная кукла, лишенная воли и имени, и я хочу жить так отчаянно, что эта жажда вытесняет даже страх смерти.

Демитрий лежит под мной, окруженный ореолом из битого стекла. Осколки зеркала впиваются в его дорогую рубашку, царапают его кожу, но он даже не шевелится. Его лицо остается пугающе спокойным, словно он не находится в секунде от того, чтобы его сонная артерия была перерезана. В его взгляде нет и тени страха. Там лишь ледяное, аналитическое любопытство, от которого меня мутит. Он изучает меня, как лаборант изучает неожиданную реакцию в пробирке.

— И что дальше, Катерина? — Его голос звучит пугающе ровно, вибрируя прямо в моих бедрах. — Ты пробила стену. Ты взяла оружие. Какой твой дальнейший план?

— Замолчи... просто замолчи, — шепчу я, сильнее надавливая осколком на его кадык. Я вижу, как на его шее проступает тонкая красная нить, как капля его крови медленно катится вниз, исчезая под воротником. — Я убью тебя. Клянусь, я перережу тебе горло, если ты не прикажешь своим псам выпустить меня.

Он едва заметно усмехается, и эта усмешка заставляет меня содрогнуться. Я вижу, как в его глазах, глубоко на дне этих черных колодцев, вспыхивает нечто темное, густое и порочное. Желание. Оно бьет по мне наотмашь. Он хочет меня прямо сейчас, в этот самый момент, когда я угрожаю его жизни. Моя ярость для него — самый сильный афродизиак.

— Ты убьешь меня или трахнешь, маленькая отличница? — Его рука медленно поднимается, и я дергаюсь, готовясь нанести удар, но он лишь замирает, не касаясь меня. — Ты сидишь на мне, твоя плоть горит, ты вся истекаешь соками, которые я заставил тебя выработать. Ты чувствуешь, как я твердею под тобой, несмотря на сталь у моего горла. Что ты сделаешь, чтобы выбраться отсюда? Думаешь, мои люди позволят тебе просто уйти, если ты оставишь здесь мой труп?

Я замираю, пораженная его правотой. В голове лихорадочно мечутся мысли, разбиваясь о зеркальные стены. Если

я нажму на осколок, если его кровь зальет этот проклятый пол, что будет дальше? Его наемники, те безмолвные тени в масках, они просто разорвут меня на куски. Для них я — ничто без его приказа. Но даже если... даже если случится чудо и я вырвусь за ворота этого поместья... куда мне идти?

Мир за пределами этой клетки перестал существовать. Мама... моя бедная, тихая мама давным-давно не помнит моего лица и моего имени из-за своей болезни, для нее я — лишь случайный шум в пустоте ее угасающего разума. Отец... он вычеркнул меня из жизни еще до того, как я попала в «Спектр-7», он знать меня не желает, и мой позор станет для него лишь поводом еще раз плюнуть на мое фото. Все думают, что я мертва. Для общества Катерина сгинула под лавиной в той чертовой тюрьме.

— Тебе некуда бежать, Лилит, — Демитрий произносит это новое имя с таким упоением, что мне хочется вонзить стекло ему в глаз. — У тебя нет дома. Нет семьи. Нет будущего, которое не было бы связано со мной. Ты можешь убить меня, но тогда ты просто сдохнешь здесь от голода в окружении зеркал, глядя на то, как гниет мой труп.

Мне все равно. Мне плевать на одиночество, на забвение, на то, что мир похоронил меня заживо. Я смотрю на него, на этого зверя, который разрушил мою душу, и чувствую, как ненависть борется с унизительным, животным притяжением. Я хочу быть как можно дальше от него, я хочу смыть с себя его запах, его слова, его прикосновения. Но я все еще

сижу на нем, прижимаясь своей наготой к его телу, и осколок в моей руке дрожит, не в силах завершить начатое. Я хочу свободы, но я боюсь, что Демитрий уже стал моей единственной реальностью.

— Посмотри на себя, Катерина, — шепчет он, и это имя в его устах звучит как эпитафия. — Ты дрожишь. Ты истекаешь соками на моих глазах. Ты можешь вонзить это стекло мне в горло, и через пять минут мои люди превратят тебя в решето. Это будет твоя смерть — быстрая, бессмысленная, в луже крови в подвале горного поместья. Либо ты можешь признать то, что уже видит каждый осколок в этой комнате. Ты — не жертва. Ты — Лилит. Ты можешь стать лучше меня, сильнее, беспощаднее, если перестанешь бояться зверя внутри себя.

Его рука медленно, почти незаметно ложится мне на бедро, и я вздрагиваю, но не отстраняюсь. Я заворожена его голосом, его логикой, которая медленно, как яд, растворяет мои последние баррикады. Демитрий начинает двигать бедрами под моим тазом. Это не просто секс, это ритмичное, методичное уничтожение моей воли. Он толкается вверх, медленно и мощно, втираясь своим твердым, пульсирующим членом в мою раскаленную, влажную плоть через тонкую ткань своих брюк. Каждый его толчок заставляет мое тело содрогаться, а осколок в руке — опасно колебаться у его шеи. Он двигает тазом по кругу, ловя каждый мой стон, каждое сокращение моих мышц, заставляя меня буквально схо-

дить с ума от этой пытки близостью. Его бедра бьются о мои, создавая влажный, хлюпающий звук, который резонирует от зеркальных стен. Он входит в резонанс с моим пульсом, заставляя кровь приливать к промежности с такой силой, что в голове начинает шуметь. Я чувствую, как его ствол перекатывается под моей кожей, растягивая мои губы, дразня клитор, доводя меня до состояния исступления. Это медленный, грязный петтинг, в котором нет ни капли нежности — только животное желание подчинить. Его бедра толкают меня все выше, заставляя выгибать спину, пока я не начинаю задыхаться от нехватки воздуха и избытка ощущений. Он двигается ритмично, жестко, вбивая меня в экстаз прямо на обломках моего прошлого. Я чувствую, как жар его тела обжигает мою наготу, как его татуированные мышцы на ногах напрягаются при каждом новом толчке. Мой разум туманится, я теряю контроль над рукой, сжимающей стекло. Я вижу, как он смотрит на мои соски, вставшие от холода и возбуждения, как он наслаждается моим позором. Его бедра продолжают свою работу, выжимая из меня последние капли сопротивления, превращая мою ненависть в покорную, скулящую нужду. Каждый его толчок — это гвоздь в гроб Катерины. Я чувствую, как мои внутренние демоны начинают выть от восторга, откликаясь на его движения, на его запах, на его ледяную власть. Он заставляет меня чувствовать себя живой именно в этой грязи, в этой боли, в этой зеркальной тюрьме.

— Я не понимаю, почему ты так отчаянно сопротивля-

ешься, — его голос становится еще тише, проникая под самую кожу. — Ведь я — это все, чего желают твои демоны. Я — та тьма, которую ты так долго прятала за отличными оценками. Прими это.

С последним, особенно мощным толчком его бедер, я чувствую, как по телу проходит разряд, от которого темнеет в глазах. Я задыхаюсь, моя грудная клетка судорожно вздымается, а пальцы, сжимавшие осколок зеркала, бессильно разжимаются. Оружие падает на пол с тихим звоном.

В ту же секунду Демитрий делает молниеносный рывок. Я даже не успеваю вскрикнуть, как он перехватывает мои запястья и одним мощным движением меняет нас местами. Теперь я лежу на битом стекле, чувствуя, как острые края впиваются в мою спину, а он нависает сверху — монументальный, беспощадный и окончательно победивший. Он подбирает мой осколок и отбрасывает его далеко в угол комнаты.

— Ты проиграла, Лилит, — чеканит он, фикс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.